

Экспертный обзор изменения законодательства об ужесточении ответственности за оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан

1 июля 2013 года вступил в силу наделавший много шума Федеральный закон от 29 июня 2013 года № 136-ФЗ "О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан". Законом вводится уголовная ответственность за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» с максимальным наказанием - один год лишения свободы, а при совершении этих действий «в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний» — до трех лет (новая редакция статьи 148 УК). Также увеличены штрафные санкции по статье 5.26 КоАП за умышленное публичное осквернение почитаемых религиозных и мировоззренческих объектов или символов. Штраф, составлявший ранее 1000 рублей максимум, увеличен до 50 000, а для должностных лиц — до 250 000 рублей.

Текст, принятый в итоге Думой и ставший законом, уместно рассматривать в двух системах координат: его конституционность и правовую состоятельность с позиции права, и с иной стороны — как явление текущего законотворческого процесса. С точки зрения права закон вряд ли можно признать правовым и соответствующим Конституции. Но нельзя не признать и следующее: в нынешней юридической действительности уголовный закон, позволяющий преследовать за так называемые «оскорбления чувств верующих», смягчен. С этого, возможно неожиданного, утверждения и начнем.

Законопроект, с колокольным звоном внесенный в Думу представителями всех фракций, и окончательный вариант закона — две большие разницы. Изначально авторский коллектив, в котором помимо представителей Единой России и ЛДПР значатся Николай Левичев и Елена Мизулина из Справедливой России и Сергей Обухов из КПРФ, предлагал уголовную ответственность буквально за «публичное оскорбление, унижение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний религиозных объединений, исповедующих религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, а равно публичное оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан». Наказание за это предусматривалось до трех лет лишения свободы, а при совершении таких действий в местах богослужений — до пяти лет. В этом виде проект прошел первое чтение. На выходе же, после переработки проекта ко второму чтению упоминание особо заслуженных религий было из текста исключено, как и слова об унижении богослужений, обрядов и церемоний. Наказуемыми названы теперь публичные действия (первое условие - публичность), выражающие явное неуважение к обществу (второе условие) и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. То есть помимо их оскорбительного характера, действия становятся наказуемыми, если они совершены с умыслом, именно с целью оскорбления верующих людей. Отсутствие хотя бы одного из названных признаков исключает применение статьи 148.

Особенно важным видится здесь определение потерпевшей стороны - не граждане в целом, а верующие. Что имеется в виду? Люди, собравшиеся на выставке, в театре, кино, независимо от их религиозных убеждений, собираются там не в качестве верующих, а как посетители, зрители, технический персонал и т. п. Как верующие они приходят в храм, совместно изучают Библию, отправляются в паломничество. Верующие обозначены здесь как специальная категория по типу статей УК, защищающих, например, пассажиров или пешеходов, или пациентов.

Человек, обедающий в кафе, не является там пешеходом, даже если он всегда ходит пешком. Права больного нарушает врач или чиновник, лишивший его льгот, но не вор, ограбивший квартиру больного. Если верующего клиента обсчитали или обхамили, то, хотя его чувства оскорблены, он становится потерпевшим как гражданин или как покупатель, но не как верующий (то, что в названии статьи говорится о чувствах граждан, значения не имеет; состав деяния определяется только диспозицией). Верующий, пришедший в бордель вряд ли вправе жаловаться на оскорбление своих религиозных чувств, они могут быть оскорблены, но это его личное дело: в публичном доме бывают клиенты, а не верующие, даже если последние встречаются, и не так редко, и среди клиентов.

Вошедший в женский монастырь в шортах или в мужской - декольте, скорее всего не имеет умысла оскорбить насельников. Публицист вроде Познера, сказавши с экрана вещи оскорбительные в представлении определенного типа верующих, делает это в корректной форме, и это никак не может быть расценено как выражающее явное неуважение к обществу. Во всех этих случаях статья 148 не применима. Или, например, какое-нибудь, пусть и публичное, и оскорбительное, и явно неуважительное выступление в адрес «православного казачества» или вообще «православного русского народа» - и это не подпадает под статью 148 УК, так как она защищает «религиозные чувства верующих», а не их национальные, патриотические и иные чувства. Объектом преступления являются чувства исключительно религиозного характера.

Да, следствие и суд в РФ далеко не всегда юридически добросовестно толкуют нормы УК. Бывает обвиняемый отдавал свое, а ему вменяют кражу; купил — а квалифицируют «продал». Так что вышеизложенное понимание статьи 148, как и любое другое, в формальном смысле не обязательно для следствия, прокурора и суда. Тем более что закон в РФ применяется по обычаю с обвинительным уклоном. Но и с учетом этого объективного фактора закон от 29 июня 2013 года получился смягчающим уголовную репрессию за «богохульства».

Дело в том, что любого, кого могут подвести сегодня под новую статью 148 (о чувствах верующих) и до ее появления в УК легко и непринужденно судили и даже сажали по статьям 282 (за возбуждение ненависти и вражды по признаку отношения к религии, как по делам Сахаровского центра), 213 (хулиганство по мотивам религиозной ненависти или вражды, как в случае с Пусси Райт), 214 (вандализм антирелигиозного содержания). Случись отправление панк-молебна после появления поправок о чувствах верующих, преследование его участниц велось бы по части второй статьи 148 (за преступление небольшой тяжести), а не по части второй статьи 213 (тяжкое преступление, до семи лет лишения свободы, по которой их и судили). Как ни велик произвол, вменять общую статью при наличии специальной все же не принято. Тем более, что и по новой статье можно, при желании, дать ту же «двушечку». Можно, но сложнее, ведь надо учитывать отсутствие судимости, наличие детей и т. п. За преступления небольшой тяжести ранее не судимых все же обычно не сажают.

Думаю, что вегетарианским закон о чувствах верующих сделался не случайно. Власти сочли достаточным ограничиться поднятой вокруг «традиционных ценностей» пропагандистской кампанией. Недаром представлявший законопроект в первом чтении председатель думского комитета по религиозным организациям Яков Нилов раза четыре повторил, что авторы категорически не желают устраивать «бутовский полигон». Недаром и на президентском Совете по развитию гражданского общества и правам человека с критикой проекта выступила Ирина Хакамада, никогда не играющая в опасные игры.

Закон и не работает. И не потому, что нет уголовных дел такого типа. Но

подразделения «Э» (по борьбе с экстремизмом) и обслуживающий их следственный аппарат по-прежнему оперируют более вменяемой и более строгой статьей 282. Религиозно окрашенные политические преследования по статье 282 (как якобы в защиту верующих, так и против них — дела мусульман и Свидетелей Иеговы) составляют не теоретическую, а вполне конкретную правозащитную проблему, актуальность которой не уменьшается уже лет пятнадцать. Дел по статье 148 не возбуждается, репрессивного потенциала в ней вроде бы нет. Кодекс и так под завязку наполнен антиэкстремистскими нормами, отпочковавшимися от все той же статьи 282. Реальных, в человеческом измерении, последствий принятие закона о чувствах верующих не повлекло.

При всем том закон об оскорблении религиозных чувств представляет собой очередной этап в клерикализации российского законодательства, еще одно отступление от основ конституционного строя - принципа светского государства. Показательно, что доказывая нужность такого закона, уже упоминавшийся депутат Нилов привел в пример осквернение храма в Калининграде, назвав его «собором Балтийского флота». Ему, председателю комитета по делам религиозных организаций, и в голову не приходит, что наличие в Вооруженных силах собственных соборов, куда строем водят солдат и матросов, прямо нарушает Федеральный закон «О статусе военнослужащих», по которому военнослужащие вправе участвовать в богослужениях и религиозных церемониях только как частные лица, командование не вправе использовать свои служебные полномочия в интересах каких-либо конфессий, государство не вправе обеспечивать «отправление религиозных обрядов», которые на территории воинской части могут совершаться только «по просьбе военнослужащих за счет их собственных средств с разрешения командира» (статья 8). Это закон, принятый в 1998 году, действует сегодня, как действуют Основы законодательства о культуре 1992 года, закрепляющие приоритет прав человека в области культурной деятельности по отношению к правам религиозных организаций (статья 9). Равно как никто не отменял, да и вряд ли рискнет отменить провозглашенную Верховным Советом в 1991 году Декларацию прав и свобод человека и гражданина, гарантирующую в числе прочего равную свободу религиозной и атеистической деятельности, равные права распространять религиозные или атеистические убеждения и действовать в соответствии с ними (статья 14). Последнее означает полную легальность активных антирелигиозных выступлений, а не только право быть атеистом у себя на кухне. Антирелигиозные акции могут не нравиться верующим, и наоборот. Но места государству здесь нет - если только не потребуются разнимать дерущихся. Впрочем, в тех странах, где государство не является ни атеистическим, ни клерикальным, драк между верующими и неверующими обычно не возникает; а если кто и дерется, так это верующие между собой.

В государствах, прошедших уже свое средневековье, или обошедшихся без ононого, как США, вообще не нужно специальное законодательство о религии; в Штатах его и не было, в Европе происходит его постепенное отмирание. Статус религиозных организаций ничем не отличается (не должен отличаться) от статуса других общественных объединений. Правда, принятие в 1990 году Верховным Советом РСФСР Закона «О свободе вероисповеданий», а следом Верховным Советом СССР аналогичного союзного закона, было неизбежным и оправданным после 70-ти лет гонений на религию. Законы 1990 года восстановили религиозные свободы, ликвидировали государственные надзор и вмешательство, но не превратили каких-либо верующих или верующих вообще в привилегированную касту.

Законом РСФСР 1990 года было установлено, что *«государство в вопросах свободы вероисповеданий и убеждений нейтрально, то есть не становится на сторону какой-либо религии или мировоззрения»* (Статья 10). В Федеральном

законе от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» такой нормы уже не было. Зато появилось ограничение прав религиозных объединений в зависимости от срока их появления в РФ. Хотя острота такой дискриминации была снята Конституционным Судом, запретившим распространять 15-летний срок на ранее зарегистрированные организации, нейтралитета в действующем законе 1997 года не стало. В преамбуле, обозначающей суть закона, возник перечень «титულных» религий, конфессии были дифференцированы, появились верующие второго сорта, а затем и религиозные объединения, от принадлежности к которым требуется отречься под страхом уголовного преследования.

Отменять первый российский закон, заменять его законом 1997 года, не следовало. Но сегодня уже и действующий закон нуждается в защите от еще большего огосударствления «традиционных» религиозных институтов, и еще больших ограничительных и запретительных мер в отношении религиозных и антирелигиозных диссидентов.

Так называемая «защита чувств верующих» есть звено в этом идеологически-полицейском процессе, что не имеет к реальным религиозным людям никакого отношения. Поэтому и говорится о защите неведомых чувств, а не вполне понятных и определенных прав. И что в чувствах верующих такого особенного, что они нуждаются в специальной защите, в отличие от чувств атеистов? Критикуя законопроект, депутат Олег Смолин (КПРФ) отметил: *«Нам говорят, что у нерелигиозных людей нет сакрального пространства, другими словами, у них нет ничего святого. Так вот тем, кто так думает, я хочу процитировать выдающегося христианского философа Николая Бердяева, цитирую: "Русский атеизм, который оказался связанным с социализмом, есть религиозный феномен. В основе его лежала любовь к правде ... Удивительная жертвоспособность людей нигилистического мирозерцания свидетельствует о том, что нигилизм был своеобразным религиозным феноменом... Это была структура души, из которой выходят святые. Это одинаково можно сказать и про Добролюбова, и про Чернышевского... Воинствующий атеизм русских революционных, социалистических и анархических направлений был вывернутой наизнанку русской религиозностью, русской апокалиптикой". Так что у людей нерелигиозных точно так же есть сакральное пространство, только другое».*

Помимо идеологизации и клерикализации законодательства, закон о «чувствах верующих» неприемлем и по более общим соображениям, о чем говорил в прениях депутат от КПРФ Юрий Синельщиков: *«Мы с сожалением отмечаем, что в стране остаётся тенденция, при которой главным регулятором общественных отношений является уголовный закон. Это характерно для нездорового общества».*

Обзор подготовил Лев Левинсон, эксперт Института прав человека